

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 304.3

**Ф.А. Барков,
А.В. Сериков**

**Fedor A. Barkov,
Anton V Serikov**

**ЭТНОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ФАКТОРЫ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ
МИГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В РОСТОВСКОЙ
ОБЛАСТИ ¹**

**PATRIOTIC CONSCIOUSNESS
OF YOUTH OF THE
ROSTOV REGION**

В статье дается определение этноинституционального фактора в миграционных процессах и межнациональных отношениях. Этноинституты рассматриваются как устойчивые комплексы индивидуальных и коллективных поведенческих норм и мотиваций, опосредованные этнокультурой и этноидентичностью. В статье показывается, что конфликтный потенциал миграции связан, прежде всего, с дископлементарностью этноинститутов принимающего и прибывающего населения. Для снижения уровня конфликтности межнациональных отношений необходимо развивать

This article defines ethnoinstitutional factor in migration and interethnic relations. Ethnoinstitutions are regarded as stable complexes of individual and collective behavioral norms and motivations, mediated ethnic culture and identity. The article shows that the conflict potential of migration is primarily associated with incompatibility of ethnoinstitutions of host and coming population. It is necessary to develop transmitting institutions to reduce the conflict potential of interethnic relations. Such institutions should be able to “translate” ethnoinstitutional requirements of the host community in the form which will motivate migrants

¹ *Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (грант 14-33-01345).*

транзиторные институты, которые позволят «переводить» этноинституциональные требования принимающего сообщества в формы, мотивирующие мигрантов к интеграции.

Ключевые слова: этноинституты, этничность, миграция, диаспора, Ростовская область

to accept the local rules and behavior patterns.

Key words: ethoinstitutions, ethnicity, migration, diaspora, Rostov region

Барков Федор Александрович

кандидат социологических наук, заведующий сектором методологии эмпирических социологических и маркетинговых исследований ЮРФИС РАН.
e-mail: barkovfedor@gmail.com

Barkov Feodor A.

Candidate of Sociological Sciences, Head of Sector of Methodology of Empirical Sociological and Marketing Researches, South Russian Branch of Institute of sociology, Russian Academy of Sciences.
e-mail: barkovfedor@gmail.com

А.В. Сериков

кандидат социологических наук, доцент, заведующий сектором социологии конфликта ЮРФИС РАН.
E-mail: aserikov@inbox.ru

Serikov Anton V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of Sector of Sociology of Conflict of South Russian Branch of Institute of sociology of Russian Academy of Sciences.
e-mail: aserikov@inbox.ru

© Барков Ф.А., Сериков А.В., 2014

© Fedor A. Barkov, Anton V Serikov, 2014

Миграция оказывает непосредственное влияние на конфликтогенный потенциал в том или ином регионе, и должна учитываться как важнейший фактор мобилизации межэтнических противоречий. В регионах Юга России продолжают интенсивные миграционные процессы, причем в отличие от крупных российских городов, где значительную часть мигрантов составляют иностранцы, в данном случае речь идет преимущественно о внутрироссийских мигрантах. Несмотря на знание русского языка, наличие российского гражданства у внутренних мигрантов, часто даже небольшое изменение этнического состава в том или ином сельском сообществе ведет к нарастанию межнациональной напряженности. В городских условиях данные процессы также имеют место, но могут протекать на основе более широкой категоризации – не иноэтничности, а инокультурности (например, «кавказцы» вместо отдельных этнонимов) с порождением значительных стереотипов массового сознания и среды масс-медиа.

Нарастание конфликтогенного потенциала сопровождается дискурсивным конструированием обвинений в адрес мигрантов в том, что они не хотят соблюдать местные традиции и обычаи, и встречными обвинениями со стороны мигрантов в адрес местного населения в том, что оно находит-

ся в плену стереотипов и ксенофобии, а СМИ тиражируют только негативные образы мигрантов. При этом реальные конфликтные ситуации являются лишь отчасти случайными, в значительной мере отражая закономерную тенденцию, связанную с дискриминационностью этноинститутов принимающего сообщества и мигрантов. В официальном дискурсе при этом фактически отсутствуют понятия, описывающие данные антагонизмы, в результате чего межэтнические противоречия формулируются официальными органами чаще всего как бытовые.

По нашему мнению конфликтногенный потенциал миграционных потоков может исследоваться на основе выявления комплиментарности и антагонизмов между структурой этноинститутов регионального или локального сообщества и характером этноинститутов прибывающего населения. Основными параметрами анализа при этом выступает с одной стороны консолидированность этноинститутов принимающего сообщества и их способность интегрировать различным способом прибывающее население, а с другой – готовность и способность прибывающего населения интегрироваться и адаптироваться. Два последних параметра зависят от силы этноинститутов прибывающего населения, способности этногрупп мигрантов к консолидации или анклавизации, авторитета их собственных этноинститутов.

Прежде чем конкретизировать данные положения, обратимся к нескольким теоретическим определениям. Пытаясь развить в рамках неинституционального подхода оригинальную концепцию, которая бы с помощью институционалистской методологии описывала и объясняла процессы этногенеза, этнической дифференциации и интеграции (этноинституционализм), М.Ю. Барбашиным предложено продуктивное понятие «этноинститута». [1] Этноинститут представляет собой комплекс норм (поведений и правил) и мотиваций, воспроизводимый в рамках этнической группы и определяющий формы этноповедения в рамках индивидуальной стратегии максимизации полезности социального действия и коллективной стратегии разрешения социальных дилемм.

Отмечая, в целом высокий эвристический потенциал такого определения, мы придерживаемся точки зрения, не включающей методологические посылки этноинституционализма в такое определение. То есть полагаем, что этноинституты действительно представляют собой важный элемент этносферы, но могут быть определены просто как устойчивые комплексы норм, воспроизводящие те или иные модели индивидуального или коллективного этносоциального поведения, опосредованные этнической идентичностью и культурой. При таком определении, во главу угла ставится не рациональная посылка о том, что тот или иной этноинститут – это, прежде всего, функция от решения той или иной социальной дилеммы, но интерпретация этноинститута как опосредованного традицией и

культурой, а также групповой идентичностью способа социального действия.

Когда мы говорим о проблемах миграции в России, мы также должны иметь в виду, что миграционные потоки имеют не только этническое, языковое и даже цивилизационное измерение. Важнейшим их аспектом является привнесение в более или менее модернизированное общество норм, ценностей и институтов традиционного общества. Именно поэтому, как указывают эксперты, даже сама по себе этничность (инаковость) становится конфликтным фактором. Относясь к традиционному социуму, этничность мобилизует конкуренцию институтов на всех уровнях – экономическом, поведенческом, ценностном и символическом.

Особенность этничности как социального явления заключается в том, что все вышеозначенные факторы конфликтности могут комбинироваться и переходить одна в другую. Например, представителем этнического меньшинства та или иная особенность доминирующей культуры может восприниматься как культурная агрессия, и, наоборот, то или иное поведение, которое представитель этнического меньшинства трактует как преимущественно культурное самовыражение (например, «лезгинка»), может принимающим населением восприниматься как акт культурной агрессии, как попытка с помощью культурных маркеров обозначить свое социальное пространство, позицию, доминирование («лезгинка в общественном месте»).

Ниже мы рассмотрим некоторые эмпирические данные, полученные в ходе комплексного социологического исследования, проведенного в Ростовской области в 2013 г. [2] В среднем по региону испытывают неприязнь с разной степенью частоты к лицам других национальностей около двух третей населения. Чем обусловлен такой уровень напряженности? Прежде всего, это конфликтность социокультурного и социоэкономического взаимодействия, порожденная в наибольшей мере волнами миграции в исследуемый регион. Оба этих аспекта нуждаются в планомерном и последовательном регулировании. Еще одним фактором является общая тенденция усиления роли этнической идентичности среди русского населения. Еще в недавнем прошлом, не придававшие особого значения национальной принадлежности и отождествлявшие себя, прежде всего, с государством, в настоящее время многие русские выдвигают на первый план этноидентичность. Основным фактором данной тенденции является противопоставление себя не внешнему (как ранее), а внутреннему «другому» – представителю иного расового типа и или иной культуры.

Близость Северного Кавказа оказывает влияние на социальную напряженность и межнациональные отношения в Ростовской области. Прежде всего, через актуализацию социальных проблем, связанных с нарастанием миграции, недостаточной адаптацией мигрантов к условиям и требованиям принимающего сообщества. Известные события, произошедшие в г. Ростове-на-Дону после убийства студента одного из ростовских вузов другим студентом-выходцем с Северного Кавказа, являются ярким примером спонтанной протестной активности молодежи, проявлением латентной социальной напряженности, ждущей удобного повода и событий для своей трансформации в протест.

На рисунке 2 приведены кросс-табличные сравнительные показатели, иллюстрирующие важность для респондентов различных социальных оснований, по которым формируется и закрепляется неприязнь на национальной почве.

Как видно из ответов респондентов, неприязнь формируется, главным образом, из-за того, что мигранты не соблюдают и не стремятся соблюдать местные обычаи и традиции (72%). Весьма значимыми являются различия в образе жизни, в моделях поведения как условия для формирования неприязни (58%). И лишь 18% опрошенных отметили, что неприязнь формируется, в значительной степени из-за конкуренции на рынке труда.

Может возникнуть вопрос, чем же так сильно отличаются первая позиция («несоблюдение местных обычаев») и вторая («различия в поведении»)? Понятно, что первая позиция описывает такие ситуации, когда приезжие игнорируют, прежде всего, правила общежития с местным насе-

лением. То есть, они как бы осуществляют экспансию в общественное пространство своих поведенческих моделей. Иными словами, если бы свои привычки и особенности они демонстрировали в частном социальном пространстве, причин для формирования неприязни не возникло. Вторая позиция касается именно неприятия чуждых культурных моделей, образа жизни, ценностей. При этом, разумеется, надо понимать, что само восприятие чужого образа жизни, его отличий, терпимость к этим отличиям – это следствие как раз-таки наличия культурных стереотипов, авторитарности собственной культурной идентичности.

Экспертами, опрошенными в рамках исследования, был обозначен такой феномен, как перенос конфликта интересов на этническую почву: *«Исключения составляют люди, чьи повседневные практики пересекаются видами деятельности, в которых наблюдается концентрация активности мигрантов или диаспор (торговля, различные сферы услуг) и таким образом их интересы пересекаются с интересами представителей других национальностей. В этом случае может быть перенесение конфликта интересов на этническую почву, особенно если имеет место быть активное использование этноресурса»*. Действительно, как мы могли наблюдать, в комментариях некоторых респондентов, дававших оценку проблемам межэтнических отношений в сфере торговли нечто похожее.

Однако, на наш взгляд, однозначно отделить ситуацию конфликта интересов от межэтнических противоречий здесь достаточно сложно, потому что, как сказал сам эксперт, чаще всего имеет место «активное использование этноресурса»: в едином комплексе включаются различные аспекты этничности, как солидарности, основанной на решении общезначимых для группы задач коллективного выбора и действия. Если в процесс трансформации экономических зон включаются не факторы технологической или производительной эффективности, но такие этноинституты, как взаимоподдержка, групповая солидарность, основанная на разделении и делегировании ответственности, принуждение, основанное на авторитете, этнические системы редистрибуции, если экономическое вытеснение сопровождается сознательным или бессознательным построением агрессивного имиджа этногруппы, как функционально соответствующего ситуации социальной конкуренции, то о наличии этнических компонентов экономического конфликта можно, как минимум, дискутировать.

Этноинституциональное взаимодействие хорошо раскрывается в контексте диаспорных процессов. Ростовская область имеет давние традиции диаспорных отношений. Они восходят к самым ранним временам формирования казачьих общин как основного элемента, определяющего этносоциальный статус региона в дореволюционный период (тюркская и черкесская составляющая казачества) [3]. Исторический опыт проживания бок о бок казаков и нахичеванских армян придает понятию диаспоры на Дону особенно содержательный смысл. Так, Ростов-на-Дону в силу историко-культурных традиций своего развития (развитие военнопграничного селения в крупный промышленный и торговый центр, территориальное присоединение и поглощение Нахичевани как отдельного города) всегда отличался достаточно высоким уровнем толерантного отношения к представителям иноэтнических групп.

Исторический опыт соседства крупных этнических групп в пределах нынешней Ростовской области подтверждает идею о том, что адаптация диаспор как социальный процесс предполагает двойственную природу: процесс адаптации означает не только приспособление диаспор к иноэтническому окружению, но также определенную реакцию самого большинства. Внутри диаспор также может отмечаться определенное социальное напряжение, оно носит характер внутриэтнической конкуренции. Армянская и греческая диаспора является традиционной (существует более 200 лет) и составляют немалую часть населения Ростовской области и, кроме того, демонстрируют известную степень успешности в адаптации и интеграции в региональное сообщество [4]. В немалой степени успешная адаптация греков и армян определяется такими факторами как:

а) близость ценностных систем и менталитета, основанного на восточном христианстве греческого и славянского населения;

- б) длительность совместного проживания;
- в) активная роль греков и диаспоры в целом в решении местных территориальных проблем;
- г) отказ диаспоры от самостоятельной политической субъектности.

Диаспора по нашему мнению является одним из важных этноинститутами, и у каждой этнической группы, проживающей в том или ином регионе она может как институт может находиться на разных стадиях развития – быть не сформированной, работать на неформальном уровне как социальная сеть и набор паттернов коллективной мобилизации в случае конфликта, или же функционировать как формальная организации (сеть организаций). В этом контексте представляются интересным распределение ответов на вопрос об ответственности диаспор за представителей своей национальности на территории региона. Большинство населения (56%) такую ответственность, действительно, на диаспоры возлагает. Еще 42% возлагает на диаспоры, по крайней мере, функции просвещения и пропаганды, проведения разъяснительной работы (о необходимости соблюдения норм и обычаев местного сообщества).

На наш взгляд, такое соотношение можно расценивать как своеобразный социальный запрос, который возможно касается проблемы общественного признания самого института диаспор и автономий: люди готовы признать их роль и авторитет, но в ответ требуют ответственных и эффективных действий по контролю над поведением соплеменников. Таким образом, диаспора как этноинститут начинает признаваться общественным мнением, является транзитивным этноинститутом, который способен «переводить» социальные требования принимающего сообщества на «институциональный язык» иноэтнической общности. Дополнительным подтверждением этому утверждению являются данные гистограммы на рисунке 4: более 60% опрошенных не исключают для себя возможности об-

ращения к представителям диаспор для разрешения конфликтных ситуаций. И лишь 25% опрошенных, настаивают на универсалистском подходе – конфликты нужно решать не через институты авторитета и группового принуждения, а через правоохранительные органы.

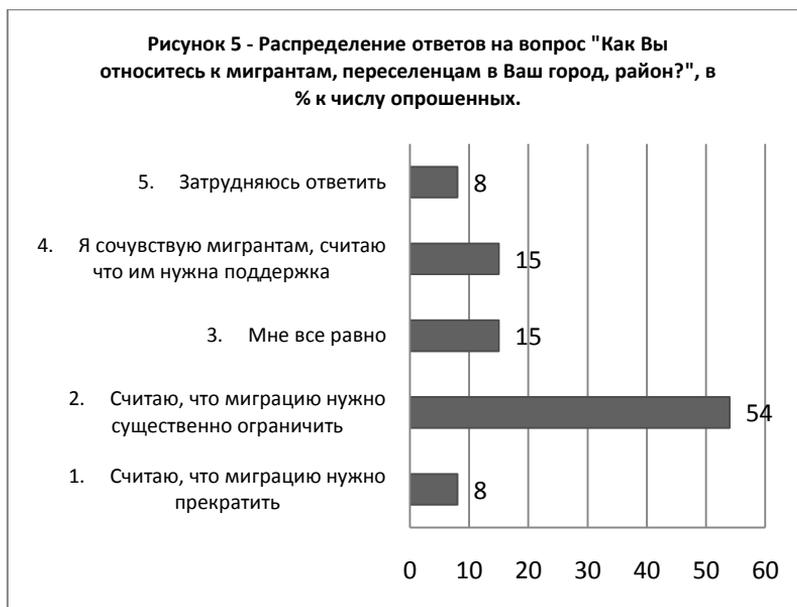

Отметим, что тот факт, что потенциальная популярность диаспор как институтов разрешения споров и конфликтов выше, чем популярность ответственных государственных органов (МВД, Прокуратура и т.д.) также является показательным. Низкий уровень социального доверия к правоохранительным органам заставляет людей искать более эффективные институциональные способы разрешения этносоциальных противоречий. Похоже, что это объективное обстоятельство, которое должно находить отражение в государственной национальной политике.

Принцип перенесения социальной ответственности этнонационального сообщества за своего члена, является, на самом деле достаточно распространенным в современной практике. Разумеется, речь идет не о коллективной ответственности за правонарушения и т.п. Речь идет о том, что выстраивание эффективных взаимоотношений с диаспорами является важнейшим инструментом в сфере управления межнациональными отношениями [5]. Основная задача здесь сводится к тому, чтобы наладить быстрое выстраивание социальных связей мигранта с принимающим сообществом посредством диаспоры.

В настоящее время становится очевидным, что в социуме ростовского региона начинают преобладать по отношению к мигрантам сдер-

жанные и осторожные настроения. Никакого социального запроса или одобрения по поводу расширения миграционных потоков не наблюдается. Люди становятся в этом отношении все более консервативны: для них действительно приемлемым является этнокультурное разнообразие, но лучше, чтобы оно сохранялось в пределах устоявшегося этнического баланса и соответствовало тем образцам интеграции, которые демонстрируют старейшие диаспоры Ростовской области: армяне, греки, корейцы и др. В общей совокупности более 60% опрошенных высказываются против не только расширения, но даже сохранения миграции в прежнем объеме. Лишь 15% опрошенных согласились с тем, что мигрантам нужно поддержка.

При этом общий уровень мигрантофобии (неприязни к мигрантам) составляет около 26% (рисунок 6). Остальные респонденты либо сочувствуют мигрантам (36%), либо относятся к ним с равнодушием (29%). Сопоставление данных рисунка 5 и 6 наводит на мысль о том, что желание ограничить миграцию связано в настоящее время на столько с неприязненным отношением к мигрантам, сколько непониманием того, зачем нужны мигранты региональному сообществу в условиях острой конкуренции на рынке труда и нарастания социальных, финансовых и иных издержек по мере увеличения миграционных потоков. Это своеобразная «консервативная толерантность», не противопоставляющая мигрантов местному населению по этнонациональному признаку, но содержащая сомнения в том, является ли полезным либеральный режим миграции в современной России, либо существует необходимость в управлении миграционными процессами [6].

Данная тенденция отчетливо проявляется в ответах респондентов на вопрос о том, при каких условиях для них приемлема миграция. Большая часть опрошенных (46%) указывают на то, что миграция, в первую очередь, не должна нести за собой ухудшения условий жизни местного населения. И это в полной мере относится не только к ситуации на рынке труда, но и к такому аспекту как «этнокультурная безопасность». Несмотря на то, что 36% указали, что их отношение к мигрантам никак не изменилось бы, если б из общения с мигрантами поняли, что они хорошо владеют русским языком, знают русскую культуру, большая часть респондентов (53%) подчеркнули особую важность именно культурной комплиментарности и эмпатии. Следовательно, эта составляющая должна рассматриваться как один из базовых принципов государственной миграционной политики.

Литература

1. Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д., 2012.
2. Исследование «Оценка состояния межнациональных противоречий в отношениях между мигрантами и принимающим населением Ростовской области» проведено летом 2013 г. РРОО «Гражданское согласие» совместно с отделением «Регионоведение» Южного федерального университета и УФМС по Ростовской области. Презентация результатов

References

1. Barbashin M.Iu. Instituty i etnogenez: institutsional'noe vosproizvodstvo etnicheskoi identichnosti v lokal'nykh soobshchestvakh. Rostov n/D., 2012.
2. Issledovanie «Otsenka sostoianiiia mezhnatsional'nykh protivorechii v otnosheniiakh mezhdru migrantami i prinimaiushchim naseleнием Rostovskoi oblasti» provedeno letom 2013 g. RROO «Grazhdanskoe soglasie» sovместno s otdeleniem «Regionovedenie» Iuzhnogo federal'nogo universiteta i UFMS po Rostovskoi oblasti. Prezentatsiia rezul'tatov sostoialas' 23.09.2013 g. v Iuzhnom feder-

- состоялась 23.09.2013 г. в Южном федеральном университете. [Электронный ресурс:] http://www.fms-rostov.ru/ne_4979809/ (Дата обращения 11.05.2014)
3. См.: *Водолацкий В.П., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю., Садко Д.О.* Казачество как этносоциальный феномен современной России (на примере Донского казачества) / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: ЮРФИС РАН, 2011.
4. Более подробно см.: *Барков Ф.А., Мирзоян Г.В., Нагапетян А.Р., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В.* Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д –М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.
5. См., например, о роли и принципах выстраивания отношений между ответственными органами исполнительной власти и национальными сообществами (community) в Канаде в сфере адаптации и интеграции мигрантов: Annual Report On The Operation Of The Canadian Multiculturalism Act (2011-2012). Интернет-ресурс: <http://www.cic.gc.ca/english/resources/publications/index.asp#multi> (Дата обращения 12.02.2014)
6. *Глушко В.С., Сериков А.В.* Социальная стабилизация в российском обществе: роль регулирования миграционных процессов // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4.
- al'nom universitete. [Elektronnyi resurs:] http://www.fms-rostov.ru/ne_4979809/ (Data obrashcheniia 11.05.2014)
3. Sm.: *Vodolatskii V.P., Volkov Iu.G., Barkov F.A., Serikov A.V., Chernous V.V., Chernykh E.Iu., Sadko D.O.* Kazachestvo kak etnosotsial'nyi fenomen sovremennoi Rossii (na primere Donskogo kazachestva) / Pod red. Iu.G. Volkova. Rostov n/D: IuRFIS RAN, 2011.
4. Bolee podrobno sm.: *Barkov F.A., Mirzoian G.V., Nagapetian A.R., Sadko D.O., Serikov A.V., Chernous V.V.* Armiane Iuga Rossii: opyt sotsiologicheskogo issledovaniia. Kollektivnaia monografiia / Pod red. Iu.G. Volkova. Rostov n/D –M.: Sotsial'no-gumanitarnye znaniia, 2011.
5. Sm., naprimer, o roli i printsipakh vystrai-vaniia otnoshenii mezhdru otvetstvennymi organami ispolnitel'noi vlasti i natsional'nymi soobshchestvami (community) v Kanade v sfere adaptatsii i integratsii migrantov: Annual Report On The Operation Of The Canadian Multiculturalism Act (2011-2012). Internet-resurs: <http://www.cic.gc.ca/english/resources/publications/index.asp#multi> (Data obrashcheniia 12.02.2014)
6. *Glushko V.S., Serikov A.V.* Sotsial'naia stabilizatsiia v rossiiskom obshchestve: rol' regulirovaniia migratsionnykh protsessov // Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2010. № 4.